

□Двойное обновление□

Голос был негромким — ровно достаточно, чтобы Чэньсинь на другом конце провода расслышал каждое слово. Трубка надолго замолчала, а потом вдруг донёлся холодный смешок:

— Ты что, прямо в постели был занят?!

Поздний вечер. Незнакомый мужской голос в одиночной комнате. Ванная.

Для редактора яойных порно-манги простора для фантазии было более чем предостаточно. Лу Яо торопливо перебил его:

— Не то, о чём ты думаешь.

— Я вообще ещё ничего не сказал, Сяо Ту. Вот уж кто с нечистой совестью.

Лу Яо мысленно отметил имя Цзи Цуньли и бросил в трубку:

— Я никогда ничего не ворую. Я только делаю первый ход.

Из трубки снова донёлся смешок. Лу Яо вышел на балкон, взял чистое полотенце и комплект своей постиранной пижамы:

— Ладно, пока. Черновик пришлю завтра — не забудь отметить мне полную явку.

Мир катится в пропасть: авторы порно-манги теперь вынуждены сдавать дедлайны ради статистики посещаемости в издательстве.

Повесив трубку, Лу Яо постучал в дверь ванной. Секунды через две оттуда потянулись клубы пара — и вместе с ними рука, протянутая в проём. Изнутри донёлся голос Цзи Цуньли:

— Спасибо.

Неожиданно низкий и хрипловатый.

Лу Яо, у которого была слабость к красивым голосам, сглотнул — и сам не заметил, как.

Всё, уши беременны.

Он рывком убрал руку, легонько кашлянул:

—... Если что понадобится — зови.

Пять минут спустя Цзи Цуньли вышел из ванной в пушистой пижаме с милым принтом — точь-в-точь такой же, как у Лу Яо, — с тёмными влажными волосами, с которых ещё капала вода.

На Цзи Цуньли пижама Лу Яо была немного маловата. Запястья и нижний край рубашки чуть открылись — белые кисти рук и смутные очертания мышц проступали сквозь ткань.

Красавец после купания.

Мысль мелькнула и пропала. Лу Яо поёжился, достал фен и протянул Цзи Цуньли, наблюдая, как тот садится на краю кровати и начинает сушить волосы.

Чёрные пряди подхватывались белыми тонкими пальцами. В комнате остался только гул фена.

Монотонный, убаюкивающий.

Лу Яо вдруг захотел спросить, почему Цзи Цуньли носит такие длинные волосы. Но только захотел.

Лень было открывать рот.

Когда волосы высохли, Цзи Цуньли показал ему диссертацию. Тема работы — «Эволюционные функции и анализ микробных геномов».

Тему утвердили ещё в прошлом году; написана была уже примерно половина — без малого сорок тысяч знаков. Лу Яо сидел за письменным столом и уже было собрался встать и уступить место — но не успел шелохнуться, как Цзи Цуньли наклонился вперёд, взялся за мышь и погрузился в текст.

Свежий чистый запах окутал Лу Яо со всех сторон. Он застыл, не смея пошевелиться.

Руки Цзи Цуньли его окружали.

Так близко, что чувствовалось его дыхание.

— Здесь можно добавить объяснение моноклональных антител в качестве связующего звена — разграничить иммуногенность на примере человека и мыши, обозначить переменные области клеток, а в константном участке...

Цзи Цуньли подвинул мышь, взгляд его скользнул к человеку, которого он почти обнимал. Белая шея Лу Яо чуть вздымалась в такт дыханию. С такого расстояния были видны даже длинные ресницы — лёгкая дрожь.

Взгляд Цзи Цуньли потемнел. Мышь двигалась, голос не останавливался:

— А здесь нужно прояснить масштаб молекулярных биологических процессов и уровень клеточных эффекторов...

Что именно говорил Цзи Цуньли — Лу Яо не улавливал ни слова. Каждый раз, когда рука, обвивавшая его, тянулась к мыши и задевала плечо, его пронзало будто током.

Он сидел с прямой, как штык, спиной. Даже сексуальная ориентация, загнутая улиткой, похоже, заметно разогнулась.

Время тянулось медленно. Наконец мышь перелистнула последнюю страницу, и Цзи Цуньли сказал:

— Всё, правки отмечены прямо в тексте — переделай по тому, что я объяснил. Кроме нескольких деталей, в целом неплохо. Сколько знаков планируешь?

Дыхание Цзи Цуньли щекотало ухо — зуд прокатился от шеи по всему телу, стянув что-то внутри.

Лу Яо инстинктивно подался назад — и упёрся в твёрдую тёплую грудь.

Человек за спиной, видно, испугался, что он сейчас упадёт, — руки чуть сжались, охватывая его полностью.

Лу Яо:!!!

За двадцать пять лет жизни это был первый такой близкий телесный контакт с другим человеком. Предыдущий раз был, когда отец менял ему подгузник вскоре после рождения.

Зрачки Лу Яо землетрясением разошлись. Он вскочил, усилием воли сохраняя спокойный вид:

— Семьдесят тысяч знаков.

Цзи Цуньли выпрямился как ни в чём не бывало:

— Хм, семидесяти хватит. Но если будут силы — можно и больше.

Лу Яо промычал что-то в нос. На лбу у него незаметно выступили мелкие бисеринки пота; ускользающий взгляд Цзи Цуньли поймал сразу.

— Тебе плохо? Вид что-то нездоровый.

— Нет.

Вообще-то ему было плохо. Он едва дышал.

К счастью, Цзи Цуньли не стал ни о чём расспрашивать. Когда с диссертацией было покончено, перевалило уже за одиннадцать вечера; перекинувшись ещё парой слов, оба решили ложиться спать.

Свет погас. Лу Яо натянул одеяло до самых губ и пробурчал в темноту:

— Спокойной ночи.

Когда глаза привыкли к темноте, Цзи Цуньли смутно разглядел эту его маленькую привычку. В голосе прозвучала улыбка:

— Спокойной ночи.

Лунный свет просачивался сквозь шторы, серебря подоконник. Лу Яо лежал с закрытыми глазами, но в голове снова и снова прокручивалось одно и то же: тёплое дыхание, длинные пальцы с выпирающими суставами, твёрдая грудь, несколько упавших чёрных прядей...

Цзи Цуньли — страшный мужик.

Лу Яо в спешке прокрутил в голове несколько образов учителя Лансы в косплее. Очень скоро под одеялом расцвела безмятежная улыбка.

Ха. По сравнению с учителем Лансы Цзи Цуньли — никто.

Минуты текли одна за другой. Дыхание рядом стало ровным и глубоким — и тут Лу Яо вдруг распахнул глаза.

Нащупав телефон на подушке, бросил взгляд на время. Только что перевалило за полночь.

Лу Яо бесшумно выбрался из кровати и достал из ящика графический планшет. Лили, который ещё не спал, заметил движение — в темноте два его глаза горели, как два светящихся шарика, не отрываясь от Лу Яо.

Лу Яо приложил палец к губам, схватил со стола лакомство для кошки и подкупил единственного очевидца.

Осторожно прихватив Лили, который невозмутимо жевал угощение, он вернулся на кровать, закутался в одеяло и открыл планшет.

Чтобы сдать работу завтра, сегодня нужно было закончить сцену — и единственный вариант был рисовать после того, как Цзи Цуньли уснёт.

Манга, которую он сейчас активно выкладывал, разворачивалась в студенческом общежитии: атакующий и ведомый стали соседями по комнате, и в один прекрасный день атакующий обнаружил, что у его соседа есть кое-что, чего быть не должно.

Он начал угрожать ему, пробовать его на вкус, следить за каждым его движением.

А ведомый — под напором атакующего, под редкими проблесками его неожиданной нежности — влюблялся без возможности вырваться.

Сюжет дошёл до сцены, где атакующий застаёт ведомого с его одеждой.

* «Брось мечтать. Ты для него просто игрушка»*, — ведомый прислонился к стене и уткнул лицо в рубашку атакующего, бормоча себе под нос.

Одежда пропиталась его запахом. В близком, до боли знакомом запахе ведомый медленно терял себя — руки потянулись вниз.

Кисть зависла над планшетом.

По сюжету здесь нужно было написать, как ведомый описывает запах атакующего.

Каким запахом должна пахнуть его одежда?

И тут Лу Яо вспомнил, чем несколько часов назад пахло от Цзи Цуньли.

Свежий. Чистый.

Неожиданно приятный.

На миг ему почти почудилось, как дыхание Цзи Цуньли снова щекочет ухо —

Лу Яо встрепенулся. Опустив взгляд, обнаружил, что в текстовом блоке уже красовалось: *свежий и чистый запах*.

Чёрт.

Лу Яо мгновенно почувствовал себя виноватым перед Цзи Цуньли.

Мысленно извинившись, стёр написанное, оставил поле пустым и продолжил рисовать, переключая внимание.

* «Щекотно...»* — ведомый-старший запрокинул голову, уголки глаз чуть порозовели, губы влажно блестели.

* «Если он увидит... он, наверное, отшатнётся от меня с отвращением...»*

В голове ведомого вспыхивали обрывки воспоминаний — как кинолента. Пальцы дрожали, передавая тепло. Память задержалась на нежном взгляде сквозь стёкла очков атакующего.

Лу Яо в темноте облизнул губы, дорисовал ведомому с помутневшим взглядом блестящие слёзы на ресницах, добавил вены на предплечье — вьющиеся под белой кожей, набухающие с каждым движением.

Ш-ш-ш...

Самому себе готовить — это кайф.

Повар тихо промурлыкал удовлетворённо.

Он рисовал под одеялом с полным погружением, лицо пылало, щёки горели — и ни на что вокруг не обращал внимания.

К этому моменту ведомый в манге закончил и обмяк у стены, прикрыв глаза тыльной стороной ладони. Слёзы хлынули сами.

Такой, как он, — разве достоин любви?

Повар размахнулся — и нанёс удар: следующий кадр — атакующий толкает дверь и входит.

На ведомом всё ещё лежит его одежда. Запах разлился по небольшой комнате. В то мгновение, когда атакующий увидел происходящее, зрачки его непроизвольно сузились.

* «Что ты делаешь?»*

Лу Яо только вписал эту реплику — и почти одновременно те же самые слова прозвучали у него над ухом, неизвестно откуда.

Темноту сменил свет — резкий, ударивший по глазам. Лу Яо инстинктивно поднял руку, заслоняясь.

Цзи Цуньли стоял у кровати, смотрел сверху вниз:

— Ши-ди, что ты делаешь?

<http://bllate.org/book/18366/1760138>